

Губстатбюро.

Отдел № 3

По каталогу № 75

К 607-65.3(2)-05-
С78

Истории всех стран, соединяйтесь!

л.к. 31
с. 78
Киргизская Социалистическая Советск. Республика.

Государственная Статистика.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

Орган Центральной
Статистической
Управления КССР.

№ 3.

1924 г.

ЯНВАРЬ—МАРТ.

Оренбург

Типография Губсоюз.

1924 г.

Издание Центрального Статистического Управления К. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

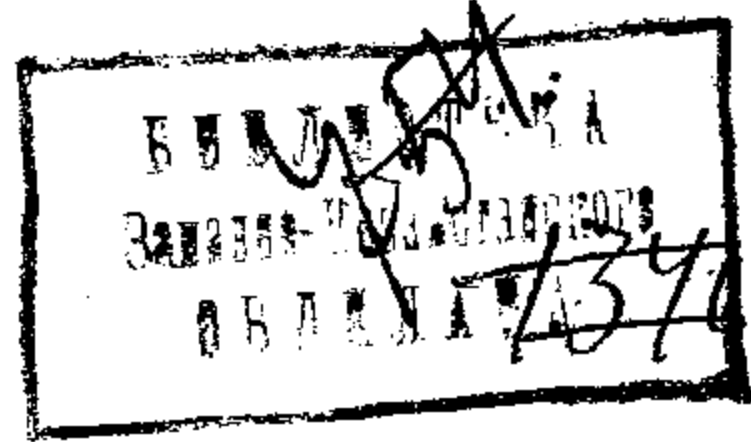
Киргизская Социалистическая Советская Республика.

Государственная Статистика

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

*Орган Центральной
Статистической
Управления КССР.*

№ 3-й

1924 г.

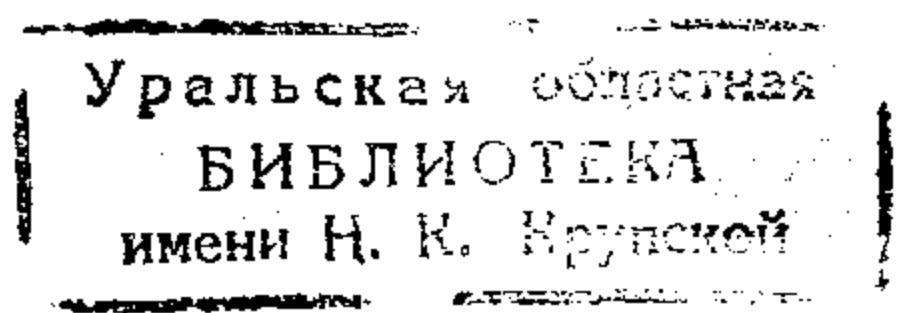
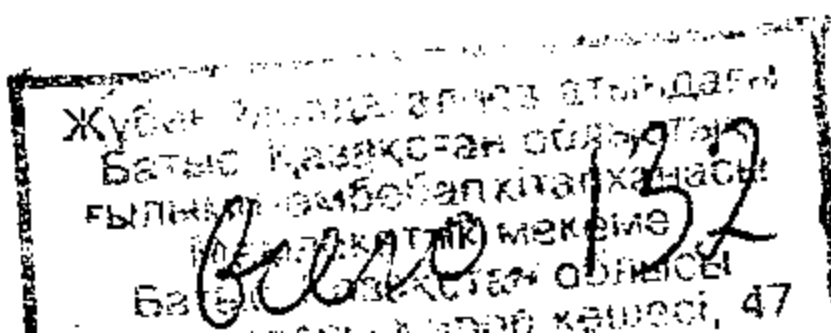
ЯНВАРЬ—МАРТ.

ОРЕНБУРГ.

Типография Губсоюза.

1924.

374688

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

Книга должна быть возвращена не позднее указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач

--	--

1628—9000 000

Ко всем парторганизациям,
ко всем членам коммунистической партии,
ко всем трудящимся К. С. С. Р.

ТОВАРИЩИ!

Мы переживаем скорбные дни. Из наших пролетарских рядов 21 января выбыл навсегда вождь мирового рабочего класса, неоценимый друг всех трудящихся масс, дорогой и незабвенный товарищ Владимир Ильич Ульянов—Ленин.

Выбыл тот, кто в течение двух с половиной десятков лет создавал, выковывал сплоченную, крепкую, стальную коммунистическую партию, водительствовал ею, указывал путь к освобождению пролетариата всего мира от капиталистического господства и гнета, вел его к славным победам за коммунизм, водрузил красное знамя Октября на развалинах царской России и в практической работе творил революцию.

Выбыл тот, кто являлся неустанным поборником за дело освобождения угнетенных, неполноправных национальностей, кто положил основу создания могучего Союза Советских республик, в братском сотрудничестве народностей всех наций, при тесном и нерушимом союзе рабочих и крестьян.

В небывало трудных условиях, требовавших глубочайшего напряжения силы, воли и энергии, под ударами царизма и буржуазии, при постоянном предательстве мнимых вождей рабочего класса, его изменников, в окружении половинчатых и колеблющихся политиканов с их соглашательской, гадкой политикой—Ильич с несокрушимой, железной волей, с верой в творчество масс, со всей революционной страстностью, при глубокой ненависти к рабству и угнетению, выковывал стройные ряды борцов за коммунизм, пестовал и выпестовал железную, несокрушимую единую коммунистическую партию, как боевой авангард рабочего класса.

Расчищая и указывая путь революционной борьбы за окончательное торжество пролетариата, он не мыслил

его без осуществления тесного нерушимого союза рабочих и крестьян, без полного освобождения угнетенных народностей всех стран, без их культурно-экономического раскрепощения.

Ясно, точно и твердо Ильич ставил эти вопросы.

Ни на цоту не отклоняясь от верной и ясной для него линии марксизма, он практически, неуклонно претворял ее в жизнь, явился величайшим стратегом и тактиком революционного марксизма.

Этот путь он завещал своему детищу—Третьему Коммунистическому Интернационалу, которому революционный рабочий класс всего мира вверил свою судьбу. Путь Коммунистического Интернационала—путь Ленина—путь ленинизма. По нему неуклонно он пойдет до окончательного торжества пролетариата всего мира.

Вся энергия, вся сила и вся жизнь Ильича вложена в дело рабочего класса и его Коммунистической партии, в дело освобождения от рабства и угнетения всех трудящихся.

Каждый член коммунистической партии, каждый рабочий, крестьянин и трудовой кириз и все трудящиеся носят в себе имя Ленина.

— Каждый из них есть частица его.

Вот почему имя Ленина так дорого для мирового пролетариата, для всех трудящихся, для всех сынов Востока. Вот почему оно известно в каждой уголке земного шара. Вот почему тяжела и незаменима потеря дорогого вождя.

Мы расстались с нашим великим вождем, учителем и другом, расстались навсегда, но не расстались и не расстанемся никогда с его заветами, его учением и никогда не сойдем с указанной им пути.

Его дело—наше дело. Это дело мы будем продолжать так, как учил он, с той же всеокрушающей, железной, непреклонной волей и в полном единстве нашей мысли.

Работая в условиях культурно и экономически отсталой сельско-хозяйственной, скотоводческой страны Советского Союза—Киризии, с населением ранее угнетавшихся народностей, трудящиеся Киризии тем более должны помнить заветы И л ь и ч а.

Практическое проведение в жизнь национального вопроса в КССР, решительное преодоление культурной и экономической отсталости края, укрепление смычки города с аулом и деревней, установление прочного союза рабочего, крестьянина и скотовода, эта часть главной, что мы, как ученики и последователи вождя, должны ежечасно и ежеминутно помнить, не забывать и вкладывать в содержание своей практической повседневной работы.

Не отклоняясь ни на шаг от абсолютно чистой, верной и ясной линии коммунистической партии, выращенной Ильичем, в тесном единении, при крепкой спайке и строгой дисциплине, при полной поддержке всех трудящихся, мы с честью выполним поставленные перед нами задачи, как бы трудны и сложны они не были и этим самым воздвигнем лучший памятник своему любимейшему вождю.

К этому призывает Областной Комитет РКП (б) все коммунистические, профессиональные, советские, хозяйственные организации, каждого члена РКП, всех трудящихся.

К этому зовут заветы ушедшего от нас Ильича.

Выполнить их наша священная обязанность перед любимым и незаменимым вождем

Пусть злорадствуют наши враги, пусть радуются нашей несравненной потере. Их радость преждевременна. Стальной, несокрушимой стеной Коммунистическая партия будет идти по пути своего вождя и учителя, и с этого пути не сойдет никогда, какие бы преграды на нем не встречались.

Творческие силы масс, во что так горячо верил Владимир Ильич, таят в себе несокрушимую, железную волю, решительность и полную готовность к преодолению новых испытаний.

Раз с боем взятое под руководством Ильича красное знамя революции выпущено из рук не будет.

Это наше клятвенное обещание перед памятью своего вождя.

Вечная память мировому вождю пролетариата! Да здравствует выкованная им Коммунистическая партия!

Киробком РКП (б).

Государственная Статистика и Владимир Ильич.

Нет ни одной отрасли народного или государственного хозяйства и управления, где бы в той или другой степени не был выявлен огромной мощности организаторский талант Владимира Ильича. И государственная статистика обязана своим существованием этому великому строителю советского государства. Статистика для Владимира Ильича была не только необходимым органом управления и хозяйствования, но она для него в его научно-теоретических и научно-публицистических работах являлась главным и основным орудием исследования. Его классическая работа „Развитие капитализма в России“ основана на статистическом материале земских и неземско-статистических изданиях. В этой блестящей по языку, глубокой по теоретическому анализу и богатству фактического (статистического) материала работе дан образец того, как надо уметь читать толстые томы статистических изданий и как извлекать из колонок мало говорящих для не специалистов цифр блестящие аргументы для доказательства глубоких идей,

Другая его работа—посвящена кустарной промышленности Пермской губернии,—является мастерским образцом анализа статистического материала.

Мне не раз приходилось беседовать с Владимиром Ильичем по статистическим делам, и всегда я чувствовал, что в лице великого вождя революции, организатора огромного пролетарского государства передо мной находится глубокий знаток и выдающийся аналитик статистических материалов,—таково изумительное богатство натуры,—что, не будучи практиком статистики, он понимал до тонкости, именно до тонкости, даже мелочи и особенности организации статистических работ.

С Владимиром Ильичем я познакомился в Уфе, когда я был в ссылке. Он проездом из Сибири (из ссылки) заезжал в этот город, где жила Н. К. Крупская. Второй раз я виделся с Владимиром Ильичем в Финляндии после рево-

люции 1905 года. Третий раз мы встретились, когда я явился к нему с докладом об организации государственной статистики и затем, начиная с момента организации государственной статистики мне приходилось довольно часто видеть Владимира Ильича и беседовать с ним.

Последний раз я его видел и говорил с ним немного больше года тому назад—5-го декабря 1922 г., и тогда он, только что оправившись от болезни, пожелал беседовать со мной о наших статистических делах и неурядицах.

То, что я пишу и напишу, вероятно, будет не совсем последовательно, но трудно говорить о последовательности в момент, когда в гробу лежит тело великого учителя; потом, позднее, можно методически восстановить историю отношения с Владимиром Ильичем. Теперь же попробую хотя бы схематично набросать главные черты организации государственной статистики под непосредственным руководством Владимира Ильича.

Но прежде два-три слова о том, при каких условиях зарождалась идея государственной статистики. Через несколько дней после февральской революции, в начале марта, я был вызван телеграммой в Петроград для работ по сельскохозяйственной переписи. Став во главе отдела Всероссийской переписи сначала министерства продовольствия, а затем земледелия, я понимал, что в революционную эпоху статистике предстоит сыграть огромную роль. Но на первое время пришлось ограничиться производством сельскохозяйственной и поземельной переписи (1917 г.). Но поскольку статистика была ведомственной, не объединенной в каком-нибудь едином учреждении, постольку невозможно было предъявить к ней больших требований, и, таким образом, пришлось ограничиться изучением сельского хозяйства, оставив вне поля зрения промышленность и другие отрасли народного хозяйства.

Только победа пролетарской революции в октябре 1917 г. создала условия для осуществления идеи государственной статистики. Во главе советского социалистического государства встал великий экономист, который звал, в каком направлении надо организовать статистику республики, который мог дать организаторам статистики ту общую линию, по которой должна развернуться статистика.

В декабре 1917 г. съезд статистиков вынес ряд принципиальных постановлений о необходимости произвести объединение некоторых отраслей статистики. Перевод отдела переписи из Комиссариата Земледелия в ВСНХ дал мне возможность соединить в отделе переписи и статистики сель-

ского хозяйства и статистику промышленности. Тогда же был поставлен вопрос об исследовании промышленности.

Для разработки программ обследования промышленности и программы разработки переписи сельского хозяйства 1917 г. был собран весной 1918 г. съезд статистиков, на котором мною был представлен проект организации государственной статистики. Рассмотренной и обсужденной съездом этот проект был затем представлен в Совет Народных Комиссаров.

По поводу организации государственной статистики (до рассмотрения представленного в СНК проекта), я имел продолжительный разговор с Владимиром Ильичем. Я шел к нему с глубокой уверенностью, что горячее желание всех статистиков организовать государственную статистику найдет самое живейшее сочувствие в его лице.

Задача государственной статистики была весьма сложна: нужно было дать не разрозненные работы по изучению отдельных отраслей народного хозяйства вне связи с целым, а предстояло выработать такой план статистических работ, который предусматривал бы изучение отдельных отраслей в их взаимоотношении, изучение народного хозяйства, как целого.

Но поставленная задача представляла величайшие трудности. Мы ясно себе представляли, что статистика должна играть огромную, первенствующую роль в деле организации коммунистического общества.

Опираясь на статистический учет потребности и на статистические исследования производственных процессов, на учет имеющихся богатств и производственных ресурсов, статистика должна была дать экономические предпосылки для выработки и создания единого хозяйственного плана, при помощи которого должно было регулироваться социальное хозяйство. Статистика—регулятор производства, основа хозяйственного плана.

Но господство начал коммунистического хозяйства достигалось в процессе гражданской войны, которая потрясала все основы буржуазного общества и вывела из равновесия все элементы производственных отношений. Из огня и пламени революции статистика не могла, конечно, выйти целой и невредимой.

Приходилось заново создавать весь механизм наблюдения и строить самый аппарат, пришлось также отказаться и от старых методов наблюдения, приспособленных для твердых, мало меняющихся измерителей.

Затем,—что является очень важным,—нормы, в которые выливаются закономерности общественных отношений, широко используемые в дореволюционный период в качестве измерителей народно-хозяйственных процессов, теряют все или почти все свое значение в эпоху социальной революции. Закономерность процессов, совершающихся в эпоху социальной революции, не сразу приобретает статистическую устойчивость. Направление и темп движения этих процессов эмпирически еще не укладывались в строгие ряды статистических величин и теоретически еще не осваивались.

Поэтому предстояло разрешить громадную организационную задачу. Предстояло постепенно шаг за шагом, методически накопить капитал статистических цифр, создать щупальцы, которые регистрировали бы все социальные процессы, и на основе этого изучения построить ту социальную обсерваторию, с помощью которой возможно руководящему центру предвидеть экономическую конъюктуру и наметить на основании этой конъюктуры политическую линию.

Создание государственной статистики подобного типа и нужно было Советской социалистической республике; к организации такой именно статистики и призывал Владимир Ильич.

Проект государственной статистики был детально разработан, он предусматривал схему органов, как центральных так и местных. Необходимо было получить со стороны Владимира Ильича принципиальные указания по ряду вопросов, а именно по вопросам:

1. Общих принципов построения государственной статистики.

2. Схемы ее центральных и местных органов:

3. Ликвидации центрального статистического комитета.

4. Указать место в системе государственного управления.

Когда я явился к Владимиру Ильичу, он был уже в курсе вопроса. Внимательно выслушал Владимир Ильич мой доклад, задал мне ряд вопросов, касающихся организации государственной статистики, о работах земско-статистических бюро и подтвердил правильность системы, при которой земские и городские статистические бюро, а в Сибири и Туркестане—переселенческие статистические бюро, построенные по типу земских, явились основанием государственной статистики, ее местными органами. При этом он указал, что ему по его работам хорошо известно, что земские статистические бюро являются лучшим, что есть в прошлом статистики. Тут же он вспомнил о некоторых земских статистиках—Каблукове,

Кислякове и др., которых он лично знал или работы которых он ценил.

Затем он с определенной ясностью, которая так ему была свойственна, подтвердил правильность, рациональность и своевременность организации единой центральной статистики и необходимость ликвидации центрального статистического комитета, как общего статистического органа, и передачи им материалов и инструментов будущему аппарату государственной статистики. Он также нашел правильным и то положение, при котором при комиссариатах должна быть только такая статистика, которая обслуживала бы их технические нужды, статистика служебно-прикладная, и что задача изучения отдельных отраслей народного хозяйства, построенная на основе методов переписи и текущей статистики, — дело государственной статистики, которой и должно принадлежать право общего руководства всеми статистическими работами в республике, согласование и утверждение статистических программ текущих работ отдельных ведомств, при чем Владимир Ильич настойчиво указывал, что государственная статистика должна идти в направлении народного хозяйства в целом.

Вопрос о том, где должна состоять государственная статистика, т. е. какое место она должна занимать в государственном управлении, разрешил Владимир Ильич в том смысле, что по целям, которые должны быть поставлены государственной статистике, она должна иметь место не при какомнибудь комиссариате, а при СНК, как высшем государственном органе. Затем Владимир Ильич указал, что из его работ он убедился, что статистика, так же, как и другие научные дисциплины, ставит проблемы и разрешает их в интересах определенных классов и что он надеется видеть в лице государственной статистики учреждение, работающее в интересах пролетариата и революции. Таким образом, Владимир Ильич одобрил общий принципиальный подход в деле организации государственной статистики, дал точные указания, в каком направлении должны разрешаться вопросы о конституции государственной статистики, и одобрил программу работ, намеченных планом. Вскоре я был вызван в СНК, где должен был рассматриваться представленный мною проект государственной статистики.

Против проекта возражали представители НКВД и, кроме того, представитель НКЮ, который говорил, что организация государственной статистики немного сложна — коллегии, с'езды, совет по делам статистики, — и что более удобно, по его мнению, назначить комиссара, который и подберет себе

сотрудников. На это Владимир Ильич заявил что статистика, по его личному опыту, использование статистических материалов является делом сложным, и что при разработке плана и выработке программ статистических работ и проведении их в жизнь невозможно обойтись без обсуждения в специальных органах и совещаниях, и что он, ознакомившись с проектом, находит, что дело организации государственной статистики, по его мнению, построено совершенно правильно, и что он предлагает избрать комиссию в составе Цюрупы, Милютина, Попова и Середы, которым и поручит окончательно рассмотреть проект.

Комиссия закончила свою работу и представила в СНК окончательную редакцию положения о государственной статистике, которое и было утверждено СНК 25 июля 1918 года, а также последовало постановление о моем назначении на должность управляющего Центральным статистическим управлением и с этого момента началась моя работа с Владимиром Ильичем. За время своей работы я получал очень часто от него задания по экстренному использованию тех статистических материалов, которые поступают в Центральное статистическое управление в порядке текущей его работы, а также и задания, связанные с производством новых статистических операций.

В тяжелом материальном положении находилась республика и многого она не могла уделить государственной статистике. И только с помощью Владимира Ильича мы могли получить помещение, только с помощью его нам удалось защитить эти помещения от тех, кто хотел использовать их для клуба и т. п. назначения.

Были также случаи, когда часть помещения ЦСУ силой занималась для организаций спектаклей. Все было и многое было... Но всегда Владимир Ильич приходил ЦСУ на помощь. Распоряжение по телефону Владимира Ильича, иногда его записка производили магическое действие, и государственная статистика могла продолжать работу спокойно.

А перепись 1920 года? Разве возможно было ее произвести без личного содействия и помощи Владимира Ильича? Не было бумаги—Владимир Ильич сделал распоряжение, и фабрики, работающие для газет, занимались производством бумаги для переписи. Но фабрики, на которые было возложено производство бумаги для переписи, не могли производить работы за отсутствием продовольствия для рабочих, дров для отопления, сукна для машин, и. . . кирпича (оказывалось, что без кирпича фабрики не могли работать). И вот,

по предложению Владимира Ильича, Совет Народных Комиссаров создает комиссию под моим председательством, которой дается право требовать от всех учреждений все то, что необходимо для работы фабрик, а учреждения обязаны были без замедлений выполнять требования комиссии. Только с помощью Владимира Ильича я мог отвоевать у Наркомпроса учителей для производства переписи. Не было денег— Владимир Ильич доставал их. Да, перепись 1920 года всецело ему обязана своим осуществлением. А другие работы? Разве они могли бы производиться в то время, при отсутствии материальных ресурсов у государства, без помощи Владимира Ильича?

Для нас, статистиков, в лице Владимира Ильича уходит в могилу величайший, гениальный вождь мировой пролетарской коммунистической революции, творец Советской Социалистической Республики и близкий, родной человек и товарищ, помогавший нам в нашей повседневной работе.

Бросая взгляд назад и восстанавливая те взаимоотношения, которые установились между Владимиром Ильичем и государственной статистикой, для меня отчетливо выявляется то положение, что в лице Владимира Ильича государственная статистика потеряла вдохновителя, учителя, да, — учителя, ибо Владимир Ильич обладал методом—методом максимального использования статистических цифр, методом, позволяющим ему делать обобщение над таким статистическим материалом, который в руках других ничего или почти ничего не говорил. Статистические цифры в руках Владимира Ильича были весьма тонким, математически-точным инструментом для широких и глубоких экономических обобщений. Да, это был учитель и творец метода. И совершенно правильно поступило Центральное статистическое управление, когда решило почтить память Владимира Ильича созданием при ЦСУ статистического института имени Владимира Ильича для изучения народного и государственного хозяйства, где будут производиться исследования под углом и с помощью того метода, который завещал нам этот величайший экономист и глубокий аналитик статистических материалов.

Переписи 1925 года.

На 1925 год ЦСУ С. С. С. Р. предполагается производство общегосударственных переписей: населения, сельско-хозяйственной, торговых и промышленных предприятий. Проектируемые переписи диктуются постановлениями последнего Всероссийского статистического съезда, признавшего необходимым придать государственным переписям строгую периодичность, повторяя их в течение ближайшего послереволюционного периода через каждые 5 лет. Начальной датой этого цикла переписей служит 1920 год.

Не подлежит никакому сомнению, что организация и производство намечаемых переписей представляет сложнейшую государственную задачу, осилить которую можно только при условии заблаговременного подхода к ней. Создать организационный, строго реальный план, базирующийся на учете общей совокупности разнородных естественно-исторических, хозяйственных, национально—бытовых и пр. условий Союза республик, создать в соответствии с теми же условиями программы формуляров, отпечатать и распределить до конечных инстанций десятки миллионов различных бланков, комплектовать и проинструктировать сотни тысяч работников—задача поистине исключительная по своей обширности.

Перепись населения в Индии в 1891 году (только одного населения) потребовала до миллиона работников, при чем подготовительные операции к ней были начаты ни много ни мало как за полтора года. А перед государственной статистикой советских республик стоит не одна, а четыре переписи. Этого сопоставления достаточно, чтобы оценить объем предстоящих работ.

Вполне естественно поэтому, что Центральное Статистическое Управление СССР уже в 1923 г. приступило фактически к организации переписей 1925 года. Первой работой в этом направлении является определение важнейших местных условий проведения переписей, учетом которых должны открыться работы по созданию общего организационного плана. Ниже мы излагаем соображения о том,

в какие организационные формы, по специфическим условиям Киргизской Республики, казалось бы наиболее целесообразным вылить предстоящие переписи в нашей степной окраине *).

Организация переписей связывается с настолько обширным кругом обстоятельств, что построить план, который во всех частях своих находился бы в соответствии с каждым из этих обстоятельств—предприятие совершенно безнадежное. Какую бы организацию мы не приняли, все равно, удовлетворяя одной части условий, она будет находиться в том или ином противоречии с другой частью условий. Статистическая методология требует, например чтобы переписи населения, приурочиваемые к определенному дню и часу, проводились в возможно кратчайший срок и при том тогда, когда население находится в состоянии наибольшего покоя, например—зимой, перед рождественскими праздниками. В этом случае достигается наибольшая полнота и точность переписи. Но сокращая срок переписи, мы в то же время вынуждены расширять состав работников, и, например, при условии однодневной переписи населения КССР должны сформировать кадр работников по меньшей мере в 20 000 человек. Ясное дело, что подобная организация в наших условиях совершенно неосуществима, и, поступаясь точностью работы, мы вынуждены удлинять срок переписей, чтобы в конце концов свести рабочий аппарат до 4—5 тысяч,—того максимального количества, которое может дать Киргизская Республика. И зиму, как бы она ни рекомендовалась статистической наукой, заменить другим периодом года, так как при наших расстояниях и мятелях снаряжать в степь зимние экспедиции совершенно немыслимо.

Таким образом, вопрос построения плана работ в конце концов сводится к отысканию такого сочетания организационных форм, которое в условиях данной местности представлялось бы наиболее удачным по сравнению со всеми прочими мыслимыми формами организации. Это—самое большое, к чему мы можем стремиться. И именно это требуется от нас.

Киргизская Республика достаточно своеобразная окраина, чтобы иметь право сказать, что переписи на ее территории могут и должны вылиться в несколько своеобразные организационные формы.

Главнейшие условия, обособливающие Киргизскую Республику от большей части РСФСР, сводятся к следующим:

1) Ничтожная плотность населения, не превышающая в среднем 2 человек на 1 кв. версту. Конкретным выражением

*) Соображения эти выявляют точку зрения всей Коллегии Управления.

этого признака являются громадные расстояния между населенными пунктами степи.

2) Наличие в составе населения крупной массы кочевников, „переписать“ которые можно только в определенное время и в определенных местах.

3) Ничтожные средства передвижения и связи. Железные дороги теряются в безграничных степных пространствах и в подавляющей массе передвижение работников идет по грунтовым дорогам. Отдельные концы достигают нескольких сот верст.

4) Ограниченное количество грамотных, а тем более квалифицированных работников.

Вот те главнейшие условия, в которых приходится решать вопрос об организации государственных переписей 1925 года в КССР. К ним следует прибавить еще одно общее соображение, подсказываемое состоянием нашего хозяйства, наших средств, это—необходимость до максимальной степени удешевить работы, с тем, однако, условием, чтобы наряду с этим достичь и максимума полезных результатов по существу работы.

Основными вопросами плана, от правильного разрешения которых прежде всего зависит успех переписей, являются вопросы о формах организации их и времени производства.

Время производства переписей мы определяем в порядке исключения тех периодов года, которые совершенно не могут быть использованы для экспедиционных работ. Прежде всего должен быть исключен весь зимний период, как бы он ни был желателен с точки зрения методологических требований. Мы исключаем зимний период, не останавливаясь даже перед тем соображением, что для кочевого скотоводческого населения единственным временем, гарантирующим исчерпывающий учет его, является зима, когда кочевники находятся на зимних стойбищах в состоянии покоя.

Мотивы исключения зимы следующие: частые в степи мятели и бураны, бездорожье, громадные расстояния между населенными пунктами и аулами, все возрастающие при этом по мере углубления собственно в киргизскую степь, непомерное развитие хищных зверей и, наконец, отсутствие у работников (как органов государственной статистики, так собственно и вообще у рядовых работников интеллигентного труда) теплой обуви и одежды. Снаряжать в этих условиях зимние экспедиции—безнадежная затея.

Весенний период отпадает по общим мотивам. К тому же до половины мая степь непроезжа, вследствие разлива речек,

балок, оврагов. Выпадающий период определяется следующими датами: с 15 ноября по 1 июня.

Таким образом переписи в КССР могут быть поставлены только в период с 1 июня по 15 ноября, исключая, однако, из него наиболее горячее время уборки хлебов, примерно, с 1 августа до 1 сентября.

Выбор конкретного времени переписей определяется с одной стороны—организационными формами их, с другой—теми требованиями программного характера (по с.-х. переписи) и методологического (по демографической), какие оговорены ЦСУ СССР.

По предположению последнего с.-х. перепись будет связана с выборочным учетом сельско-хозяйственной продукции, т. е., в первую очередь урожая.

Мы лично полагаем, что от включения учета земледельческой продукции в программу такой массовой работы, как с.-х. перепись, лучше было бы отказаться. Регистрация урожая даже при земских переписях, проводимых обыкновенно высоко квалифицированными силами, далеко не всегда оказывалась успешной и уж во всяком случае представлялась сложной и трудной задачей. Чего же следует ожидать от нее в современных условиях работы, когда подавляющая масса сотрудников в лучшем случае будет просто хорошо грамотной публикой? Между тем заинтересованность в сокрытии урожая у нынешнего послеразверсточного крестьянина несравненно большая, чем у крестьянина прежнего, доразверсточного. Поэтому можно заранее сказать, что ценность материалов с.-х. переписи по учету продукции будет весьма значительной.

Как бы то ни было, но раз этот учет входит в программу с.-х. переписи, то этим самым частично уже определяется время ее производства: она должна быть проведена после уборки урожая.

Второе ограничение, которым связывается свобода выбора времени и которое диктуется, как указано выше, соображениями методологического характера, касается демографической переписи. ЦСУ СССР сообщает, что последняя „по условиям нашего быта и в интересах сравнимости с переписью 20 г. не может быть произведена в летние месяцы (с 1 мая по 27 августа)“.

Вышеизложенным, в сущности говоря, уже определяется по крайней мере для с.-х. и демографической переписей, время их производства в КССР. Однако прежде чем зафиксировать этот срок, рассмотрим предварительно вопрос о формах

организации и сочетания всех проектируемых работ. Соображения в этой плоскости, помимо самостоятельного значения, имеют отношение и к вопросу о времени производства переписей.

Здесь прежде всего надлежит установить, следует ли производить каждую перепись отдельно или наоборот—объединить их, какие именно переписи объединить и как далеко должно идти это объединение, т. е., должны ли быть они объединены только во времени производства или же они должны быть связаны между собой (и какие именно) органически в самом процессе производства, вестись под наблюдением одних и тех же инструкторов, общим составом регистраторов (или разделенным составом их) и т. п.

При решении вопроса об объединении переписей могут быть высказаны соображения и *за* и *против*.

Против объединения (во времени) единственным серьезным мотивом служит опасение, что статистические учреждения не в состоянии будут укомплектовать переписной персонал, так как последнего, при объединении переписей, в какие бы организационные формы они не вылились, потребуется значительно больше, чем если бы переписи производились раздельно. Во всяком случае, при нашей крайней бедности культурными силами комплектование экспедиционных партий представит безусловно трудную задачу.

Мотивы за объединения (во времени) более многочисленны и значительны:

1) общее требование статистики—избегать излишних частых опросов населения;

2) единое организационное напряжение позволит статистическим учреждениям с большей полнотой провести весь цикл подготовительных работ и самые переписи. Не подлежит никакому сомнению, что как подготовительные работы, так и производство переписей потребуют от руководителей учреждений исключительного напряжения сил.

Разъединение переписей разъединит силы: одну часть учреждения вынуждены будут бросить на места, другую—оставить при себе для подготовки к следующей переписи (или группы их). Подобная обстановка одинаково будет неблагоприятна как для производящейся переписи, так и для той, которая будет находиться в стадии подготовительных работ.

Для учреждений, богатых квалифицированными силами, это разъединение по меньшей мере безразлично, и скорее—даже выгодно. Наоборот,—для статистических учреждений

СТАТИСТИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РАЙОНА
340

КССР, где квалифицированные работники исчисляются единицами, раз'единение связывается со столь значительным ослаблением учреждений, что оно неминуемо скажется глубоко отрицательно на общем ходе работ.

Нижеследующие мотивы *за* об'единение во времени диктуются специфическими условиями КССР.

3) Об'единение даст значительную экономию в расходах, главным образом — по переездам, а отчасти и по содержанию сотрудников. Заставить об'ехать степь дважды—это значит удвоить расходы на переезды. А так как эти расходы в КССР отнимают крупную долю от общей суммы их (пространство КССР равняется 1.941,000 кв верст), то само собой разумеется, имеет большой смысл постараться избежать удвоения их.

4) Резко неблагоприятные условия в смысле передвижения и пребывания в степи при раздельном во времени производстве переписей создают угрозу больших осложнений с комплектованием партий для следующей переписи из—за отсутствия охотников поехать на мытарства в степь второй раз. Этим, между прочим, положением в известной мере ослабляется значение того единственного мотива *против* об'единения переписей, который приведен выше.

5) Наконец,—последнее—для всей центральной и южной половины КССР, а особенно той части ее, которая занята скотоводами—кочевниками, какое-бы то ни было разделение переписей представляется просто бессмысленным делом. Здесь главная забота—найти население. Отсюда—громадные расходы и громадная трата времени на переезды. Найти население, „переписать“ его по программе той или иной переписи, а затем—отпустить, с тем, чтобы через 2—4 месяца вновь искать его (и при том без какой бы то ни было гарантии найти во второй раз)—совершенно нерационально. Переписи для всей массы кочевого населения во всяком случае должны быть об'единены во времени.

Исходя из общей совокупности вышеизложенных мотивов, необходимо признать наиболее целесообразным все переписи на территории сельского населения КССР об'единить во времени их производства воедино. Об'единением переписей будет обеспечена возможность одинаково полной подготовки по всем переписям в стадии подготовленных операций; об'единение переписей даст возможность одновременно бросить все 100% квалифицированных работников на экспедиционные работы и тем самым в значительной мере ослабить остроту вопроса с комплектованием руководителей работ; об'единение переписей даст большую экономию в расходах на переезды

и во всяком случае, связываясь с более рациональным расходованием средств, позволит ввести более повышенную оплату работников; объединение переписей для колоссальной территории скотоводов-кочевников ограничивает непроизводительную трату времени на поиски объектов исследования одним разом; усилением отрядов за счет той экономии, какая получается для этих территорий, в случае объединения переписей, представляется возможность более полного учета этой слабо уловимой категории населения, какового (полного учета) до настоящего времени еще ни разу не удалось провести.

И так, мы высказываемся за объединение переписей.

Наиболее удобным временем производства их в условиях КССР был бы период с 1-го июня до 1-го июля. Для земледельческой части населения это—наиболее свободная часть лета; в скотоводческих районах лучше было бы начать переписи даже несколько раньше, например, с 10-15 мая, пока население еще находится на весенних стоянках, а не ушло в глубь степей.

Считаясь, однако, с теми ограничениями в выборе времени, какие установлены центром, придется отказаться от этого наиболее подходящего периода и остановиться на другом, несравненно менее удобном, но все же приемлимым; этим вторым периодом являются осенние месяцы—сентябрь—октябрь. Особенно опасаться распутья не приходится, так как в большинстве случаев осень в киргизских степях сухая.

В вопросе о формах объединения переписей решающую роль играют соображения о том, какой способ в наибольшей степени обеспечивает доброкачественность материалов. Как показал опыт переписей 1920—1923 г. г. одновременное проведение различных по объекту обследования статистических операций при выполнении их одними и теми же лицами, крайне вредно отражаются на получаемых результатах. Внимание работника разделяется между формулярами различных переписей, и работа не может достигнуть той степени быстроты, как при заполнении однородных формуляров. Процесс заполнения поэтому идет медленнее и работники, особенно при сдельной оплате труда, естественно, более охотно заполняют легкие по содержанию формуляры; сложные формуляры заполняются менее охотно, что и отражается на их качестве. Наконец, хорошее, вполне сознательное усвоение нескольких инструкций требует от счетчика относительно высокого развития; подобрать массового работника подобной

квалификации—дело весьма трудное, правильнее сказать—почти безнадежное

Отсюда подсказывается вывод о недопустимости органического слияния всех переписей в смысле производства их одним и тем же составом регистраторов. Из этого общего положения могут быть лишь частичные исключения, на которые будет указано ниже.

В конечном счете организация переписей с рассматриваемой стороны должна вылиться в КССР в следующую форму:

1) Во всех населенных пунктах городского типа каждая из трех переписей—демографическая, торговых и промышленных заведений—проводится отдельным персоналом регистраторов. Переписи торговых и промышленных заведений следуют за демографической.

2) В населенных пунктах сельского типа районов земледельческого и отчасти полужемледельческого перепись демографическая и сельско-хозяйственная проводится самостоятельными партиями регистраторов.

Что же касается промышленной и торговой переписей, то исходя из того, что обе эти переписи, по крайней мере промышленная, имеют характер сплошных обследований, т. е., сопряжены с обязательным посещением каждого населенного пункта (хотя промышленные заведения фактически имеются далеко не в каждом населенном пункте) и что обследование будет производиться по двум различным формулярам (20% по более сложному)—производство этих переписей целесообразно объединить с сельско-хозяйственной. При этом мелкая промышленность—80%, обследуемая по формулярам меньшей сложности, описывается тем же штатом, что и сельско-хозяйственная, а более крупная и часть мелкой—20%, обследуемая по сложным формулярам, описывается особым штатом, придаваемым в переписным партиям определенных районов.

Объединение промышленной и торговых переписей устранит непроизводительный расход на разъезды, сделает возможным исчерпывающий учет заведений, (чего не было бы при обособлении этих переписей в самостоятельные операции) и наконец—в достаточной мере гарантирует доброкачественность материалов.

3) В скотоводческих районах все переписи ведутся одним и тем же персоналом. Земледельческое хозяйство в этих районах отсутствует; заполнение формуляров с.-х. переписи, главная сложность которых сводится преимущественно к регистрации элементов земледельческого хозяйства, значительно упрощается. Промышленные и торговые заведения отсутствуют.

Образование здесь специальных кадров для производства различных переписей совершенно нерационально.

Инструкторский и вообще руководящий персонал, по состоянию квалифицированных сил статучреждений КССР, должен быть общим для всех переписей. Гораздо целесообразнее и экономнее уменьшить районы и участки, возложив на заведующих руководство всеми переписями, чем раз'единить руководство по отдельным переписям с неминуемо вытекающим отсюда расширением границ районов. Сведение переписных районов к возможно минимальным территориальным участкам при ничтожной плотности населения КССР представляется безусловно необходимым. Только в этом случае заведующие получают возможность фактически руководить работой, во время разрешать те или иные осложнения и пр.

Какова должна быть продолжительность каждой отдельной переписи? Вопрос этот решается в соответствии с общими условиями КССР и теми положениями, какие изложены нами выше

Сельское население и хозяйство республики, вообще говоря, мало подвижно. Это в одинаковой мере относится как к оседлому, так и к кочевому населению. Частых и крупных изменений в порядке механического движения населения за относительно короткий промежуток времени ожидать не приходится. Состояние элементов хозяйства также сравнительно устойчиво (товарность хозяйства вообще ниска и вряд ли возрастет сколько—нибудь значительно в ближайшие 3—4 года).

Указанные обстоятельства ослабляют отрицательные стороны уклонения от того общего правила, которое требует, чтобы сроки переписей были сжаты, особенно если переписи приурочиваются к одному определенному моменту. С другой стороны, чем короче период переписей, тем более требуется работников. Между тем, в них большой недостаток. Отсюда вывод—сроки переписей необходимо удлинить до максимально допустимых пределов, чтобы вести работу с меньшим кадром регистраторов. Сжимая персонал регистраторов за счет расширения срока переписей, мы в значительной мере сглаживаем остроту вопроса с комплектованием сотрудников, обеспечиваем подбор более грамотного, более квалифицированного работника. Для таких окраин, как КССР, это обстоятельство имеет весьма большое значение, тем более, что переписи должны вестись (по изложенным выше мотивам) одновременно. Наконец, с меньшим кадром работников сократятся расходы по переездам.

Мы полагаем, что для всех переписей в сельских местностях, в зависимости от плотности населения отдельных губерний и районов, продолжительность срока может быть установлена от 3 до 6-8 недель.

В городах, население которых более подвижно, срок не должен превышать одной недели.

Следует отметить, что в отношении срока работ все окраины вообще, а в том числе и Кирреспублика должны будут занять обособленное положение по сравнению с центральными районами Союза Республик. Соблюдение однообразных сроков излишним удорожит работы на окраинах. Да в этом нет надобности и с точки зрения существа дела.

В центральных районах с их железными дорогами, фабриками, заводами, телеграфом и пр. пульс жизни один, в степях—совершенно другой. Час, если так можно выразиться, центрального района вмещает в себя несравненно больше, чем целая неделя степей. И если в первом случае „час“ может и должен служить аршином времени, то для нас это слишком дробная единица, которой ничего не отмеришь. Все, что связывается с местами, мы по необходимости мереем неделями. И в условиях современного экономического состояния нашей республики—это совершенно естественно.

Двухмесячный срок переписей в КССР это по меньшей мере тоже самое, что недельный срок в какой нибудь Тульской или Калужской губернии.

Самая организация переписного персонала в КССР должна быть проведена в городах. Рассчитывать на более или менее широкое использование местных сельских сил не приходится. Культурных сил в составе сельского населения нет; что же касается учителей, то теперь, когда от старой школьной сети мы имеем жалкие остатки, строить серьезные расчеты на использование этого кадра работников нет никаких оснований.

Секретари сель—и волсоветов?—частично, особенно в киргизских районах, они и могут и должны быть привлечены, как для того, чтобы облегчить поиски населения, так и для работ, если не в качестве регистраторов, то во всяком случае—в качестве переводчиков. В русских же волостях этот кадр работников не может быть признан надежным; основанием к тому служит, во-первых—заваленность их работой, а во-вторых, и это главное, опасение за доброкачественность материалов, прошедших через их руки. Имея в последние годы дело с бесчисленными заданиями статистического характера зачастую самого бестолкового содержания, выполне-